

ПРАВООЗАЩИТНЫЙ МЕХАНИЗМ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ¹

Лихачев Максим Александрович

Доцент кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, научный сотрудник Лаборатории международных и сравнительно-правовых исследований Тюменского государственного университета (Тюмень), ORCID: 0000-0002-7848-5007, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

Халафян Рустам Мартикович

Доцент кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, научный сотрудник Лаборатории международных и сравнительно-правовых исследований Тюменского государственного университета (Тюмень), ORCID: 0000-0001-7072-2234, e-mail: rustam_halafyan@mail.ru.

Прекращение участия России в деятельности Совета Европы и Европейского Суда по правам человека поставило перед российской властью несколько новых проблем, среди которых – обеспечение конституционных гарантий прав граждан, в том числе через доступ к межгосударственным органам по защите прав человека, а также конвертация наработанного опыта в инициативы в региональных объединениях с активным участием России и в развитие сотрудничества с заинтересованными государствами в правозащитном направлении. Среди множества обсуждаемых сегодня вариантов нередко называют и Шанхайскую организацию сотрудничества, где привлекательность расширения гуманитарного вектора кооперации повышается за счет потенциального участия в этом процессе Китая. В настоящей статье авторы оценивают перспективы, преимущества и риски такого сценария. Несмотря на некоторую компетентностную ригидность ШОС и ее радикальную сфокусированность на точечных вопросах безопасности, Организация и ее эффективность могут выиграть от нового направления, а государства-участники, снискав политико-риторические и репутационные дивиденды, изменить внутреннюю политику и достичь некоторого прогресса в области прав человека. В то же время важно осознавать структурные и политические особенности ШОС, которые с неизбежностью ограничивают потенциал нового механизма.

Ключевые слова: ШОС, права человека, механизмы защиты прав человека, Евразия

Для цитирования: Лихачев М. А., Халафян Р. М. Правозащитный механизм Шанхайской организации сотрудничества: возможные сценарии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 4. С. 22–35. DOI: 10.34076/22196838_2024_4_22.

THE MECHANISM OF HUMAN RIGHTS PROTECTION IN THE SCO: THE POTENTIALITIES²

Likhachev Maksim

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, researcher, Laboratory of International and Comparative Legal Researches, Tyumen State University (Tyumen), ORCID: 0000-0002-7848-5007, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00874, URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00874/>.

² The Research was Supported by Russian Science Foundation (Project № 23-28-00874), URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00874/>.

Khalafyan Rustam

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, researcher, Laboratory of International and Comparative Legal Researches, Tyumen State University (Tyumen), ORCID: 0000-0001-7072-2234, e-mail: rustam_halafyan@mail.ru.

After Russia's withdrawal from the Council of Europe and European Court of Human Rights Russia has faced some new challenges, including to ensure guarantees of citizens' rights to legal remedy and access to international mechanisms of human rights protection and conversion of Russia's experience from the regional human rights protection institutions into new regional initiatives beyond Europe. Among the potentialities – the Shanghai Organization of Cooperation where the human rights protection mechanism might be settled. The China's participation increases drastically the prospects of the initiative. The authors of the article draw on the perspectives, advantages and risks of such a scenario. Despite competence's rigidity of the SCO and its focus on particular security issues the organization could profit from the development of human rights dimension therein as the member-states would do. At the same time the structural and political limits of the SCO will inevitably impact the potential of the new mechanism.

Key words: SCO, human rights, human rights protection mechanisms, Eurasia

*For citation: Likhachev M., Khalafyan R. (2024) The mechanism of human rights protection in the SCO: the potentialities. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 22–35, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_22.*

Выход России из Совета Европы в марте 2022 г. сопровождался не только критическими выпадами в адрес Европейского Суда по правам человека¹, но и заявлениями о необходимости создания на региональном уровне альтернативного международного механизма²: благонамеренную идею предлагалось реализовать на так называемых дружественных площадках – СНГ, ЕАЭС, БРИКС, ШОС. Эти организации, скорее всего, выиграли бы в эффективности за счет включения в свой состав правозащитной структуры. По итогам консультаций на правительственном уровне предпочтение было отдано правозащитному органу под эгидой СНГ, что предполагало реанимацию прежней Комиссии по правам человека³. Однако пока оправдываются сомнения скептиков: к осени 2024 г. проведено лишь два заседания (в ноябре 2023 г. и июне 2024 г.) Комиссии под председательством Уполномоченного РФ по правам человека Т. Н. Москальковой, сам же механизм остается на бумаге⁴.

¹ Валерий Зорькин: ЕСПЧ положительно повлиял на правовую систему России, но ностальгии по импортному правосудию нет // Российская газета. 2022. 29 нояб. URL: <https://rg.ru/2022/11/29/valerij-zorkin-espch-polozhitelno-povliial-na-pravovuiu-sistemu-rossii-no-nostalgii-po-importnomu-pravosudiiu-net.html> (дата обращения: 03.09.2024); Путин: российские суды и после выхода из ЕСПЧ способны надежно защищать права россиян // Коммерсант. 2023. 14 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5826146> (дата обращения: 03.09.2024).

² Клеандров М. И. Будущий Международный суд по правам человека с участием России: варианты возможностей // Государство и право. 2003. № 1. С. 12–22; Матвиенко: суд по правам человека стран СНГ будет неполизитизированным институтом // ТАСС. 2022. 29 марта. URL: <https://tass.ru/politika/14216085> (дата обращения: 03.09.2024); Меркачева сообщила о начале создания суда по правам человека СНГ // Интерфакс. 2022. 8 апр. URL: <https://www.interfax.ru/russia/834011> (дата обращения: 03.09.2024); Москалькова избрана председателем комиссии СНГ по правам человека // Ведомости. 2023. 29 нояб. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/11/29/1008345-moskalkova-izbrana-predsedatelem> (дата обращения: 03.09.2024). Более подробно о потенциале Комиссии СНГ по правам человека см.: Лунев А. А. Основные права юридических лиц в международной системе защиты прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023. С. 135–137.

³ Институты по защите прав человека могут формироваться в СНГ и ЕАЭС // Российская газета. 2022. 11 апр. URL: <https://rg.ru/2022/04/11/kosachev-instituty-po-zashchite-prav-cheloveka-mogut-formirovatsia-v-sng-i-eaes.html> (дата обращения: 03.09.2024); Сергей Степашин предложил «расширить географию» защиты Россией прав человека // Ведомости. 2022. 3 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/06/02/924936-stepashin-zaschiti-rossiei-prav> (дата обращения: 03.09.2024); Сергей Степашин: «Евразийский суд может стать эффективным инструментом защиты прав человека» // Ассоциация юристов России: офиц. сайт. URL: <https://alrf.ru/news/sergey-stepashin-evraziyskiy-sud-mozhet-stat-effektivnym-instrumentom-zashchity-prav-cheloveka/> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ Комиссия по правам человека СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3850/>; протоколы заседаний Комиссии по правам человека СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3905/> (дата обращения: 03.09.2024).

Наблюдая за попытками воссоздать структуру по правам человека на базе СНГ, предлагаем взглянуть на потенциал в этой области Шанхайской организации сотрудничества. Организация, отличающаяся ведущей ролью России и Китая, обладает некоторыми преимуществами в сравнении с другими межгосударственными объединениями. Некоторые успехи ШОС на дипломатическом, экономическом, общеполитическом и институциональном уровнях позволяют рассчитывать на умеренный успех и небесполезность инициативы.

Природа и цели деятельности других (меж)региональных организаций с участием России в меньшей степени удовлетворяют требованиям для создания органа по правам человека. Деятельность ЕАЭС направлена на экономическую кооперацию государств-членов, обеспечение конкурентоспособности национальных экономик и создание общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы (ст. 4 Договора о ЕАЭС), в том числе через надгосударственные инструменты. Последние малопригодны для межгосударственной кооперации в области прав человека, несут риски вмешательства во внутренние дела интрузивными по своей механике средствами интеграции, а потому сдерживают глубину, интенсивность и широту правозащитного сотрудничества стран-членов.

БРИКС – неформальное объединение государств, а потому слабо институционализировано и в таком качестве малопригодно для взаимодействия членов в области защиты прав человека. Все-таки сотрудничество здесь (в отличие от предшествующего примера) требует, наоборот, более строгих, формализованных механизмов.

Государства-участники СНГ признают целью деятельности Содружества обеспечение прав человека и основных свобод (ст. 3 Устава СНГ), но, учитывая реальный вес и текущее состояние международной организации, трудно представить, что на ее основе может быть сформирован эффективный, работающий правозащитный механизм. Собственно, безрезультатные попытки реанимации в 2022–2024 гг. правозащитного вектора СНГ – яркое тому подтверждение. Так, недавно были приняты меры по реализации правозащитной функции СНГ. 14 октября 2022 г. государства-участники СНГ подписывали Протокол о внесении изменений в Конвенцию о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. и приняли Положение о Комиссии по правам человека¹. Поправки были продиктованы желанием расширить состав названной Комиссии в целях мониторинга выполнения положений Конвенции за счет стран, которые не являются ее участниками (Армения, Казахстан и Узбекистан). Однако намерение привлечь новых партнеров не сработало: Армения и Таджикистан сформулировали оговорки к Протоколу, не признав компетенцию Комиссии рассматривать апелляции сторон и отдельных лиц. Протокол еще не вступил в силу. Совершенно очевидно, что Комиссии не суждено оправдать высокие ожидания². Примечательно, что предусмотренная учредительными документами Содружества Комиссия никогда не работала и прежде.

Некоторые эксперты допускают создание механизма защиты прав человека в Евразийском экономическом союзе: предлагается даже принять Хартию экономических и социальных прав, наделив Суд Союза правозащитной функцией³. Хотя в Договоре о ЕАЭС упоминаются права потребителей (ст. 60) и права работников государства-члена (ст. 98), такая защита носит узкоспециализированный характер.

Как отмечает Тан Сянь-Ли, «АСЕАН и ЕАЭС явно более развиты с точки зрения амбиций, перспектив и стратегии. Государства-члены обеих организаций консолидировали свои усилия по сотрудничеству. Они сделали это для того, чтобы закрепить выгоды от более глубокой экономической интеграции, сложные процессы которой требуют стабильности и предсказуемости, которые легализация и институционали-

¹ Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 290-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 года» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5308; решение Совета глав государств СНГ «О новой редакции Положения о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств» от 14 октября 2022 г. // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 03.09.2024).

² Конвенцию подписали семь государств (Беларусь, Киргизия, Россия, Таджикистан, Армения, Молдова и Грузия), из которых первые четыре ратифицировали.

³ Нешатаева Т. Н. Евразийский экономический союз: органы, практика, право // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 187–201.

зация могут обеспечить организационной системе. ШОС, СААРК, ФТО, МИГ и АТЭС... более гибки в своей повестке дня и взглядах и остались политическими и дипломатическими образованиями... Политическая гибкость более привлекательна для этих пяти [азиатско-тихоокеанских региональных организаций] из-за стратегических факторов, таких как присутствие конкурирующих держав внутри организации или в регионе в целом. В определенных случаях *гибкость и неформальность прокладывают путь к более широкому спектру потенциального сотрудничества*¹.

1. Потенциал правозащитной функции ШОС

Состав Шанхайской организации представляет собой и вызов, и возможности для развития правозащитного вектора одновременно. С одной стороны, члены Организации отличаются специфическими политическими режимами с ярко выраженными авторитарными тенденциями, что, несомненно, усложняет продвижение инициативы и радикально политизирует это направление межгосударственной кооперации. С другой – ни одна из этих стран открыто не отказывается от общедемократических ценностей и даже декларирует правозащитные идеи в конституционных актах, а потому по меньшей мере формально эти государства должны быть заинтересованы в обеспечении защиты прав человека за счет международных механизмов, лояльных указанным режимам². Присутствие Китая среди членов ШОС в качестве центра силы способно уравновесить разнонаправленные предпочтения и амбиции государств в области прав человека. Правозащитное сотрудничество и обмен информацией между странами в этой сфере может способствовать росту доверия между Китаем и государствами Центральной Азии, укреплению связей с Индией, Ираном и Пакистаном. В свою очередь ценным для других государств остается опыт участия России в Совете Европы и использовании Европейской конвенции по правам человека 1950 г., а наметившаяся дискуссия о новом региональном механизме защиты прав личности ставит вопрос о потенциально возможном, пусть и неравнозначном, но хотя бы гипотетически реальном аналоге международного регионального органа по правам человека.

Учреждение в ШОС специального правозащитного механизма не противоречит природе и институциональным основам этой международной организации.

1. Суть декларируемого так называемого шанхайского духа, пронизывающего межгосударственную кооперацию в рамках ШОС, составляет сотрудничество стран-участниц на основе взаимного уважения, многообразия культур и цивилизаций, христианской, буддийской, мусульманской религий, а также стремление к совместному развитию на основе добрососедства, взаимных консультаций, равноправных отношений, развития, принятия решений и международных договоров на основе консенсуса и прозрачности³. Таковы заявленные особенности партнерства ШОС. Очевидно, как минимум на уровне таких постулатов идея прав человека и его правового благополучия органично вплетена в тот самый «дух».

2. По своей природе ШОС не является ни военным блоком (в отличие от Организации Договора о коллективной безопасности или Североатлантического альянса), ни международной структурой по безопасности (в отличие от Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Регионального форума АСЕАН по безопасности).

Согласно Хартии ШОС ее цель и задачи состоят в укреплении между членами взаимного доверия, развитии сотрудничества, содействии социально-экономическому развитию участников, содействию обеспечению *прав и основных свобод человека* в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством (ст. 1)⁴. Таким образом, с точки зрения цели и задач ШОС

¹ Tan Hsien-Li. Regional Organizations // The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific / ed. by S. Chesterman, H. Owada, B. Saul. N. Y.: Oxford University Press, 2019. P. 56 (курсив наш. – М. Л., Р. Х.).

² Лихачев М. А. Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия // Право. Журнал Высшей школы экономики. Т. 17. № 1. С. 54–57.

³ Почему теория «Шанхайского духа» обладает мощной жизненной силой // Российская газета. 2020. 8 нояб. URL: <https://rg.ru/2020/11/08/pochemu-teoriia-shanhajskogo-duha-obladaet-moshchnoj-zhiznennoj-siloij.html> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ В отличие от Договора о ЕАЭС, нацеленного на создание условий для стабильного развития экономик государств-членов, формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, а также всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик (ст. 4).

нет никаких препятствий для дальнейшей эволюции Организации в правозащитном направлении.

Хартия ШОС устанавливает предпосылки для развития стран в различных направлениях, включая гуманитарную сферу. По этой причине нет необходимости расширять компетенцию ШОС для включения в сферу ее ответственности вопросов прав человека (как в случае, например, ЕАЭС)¹. Стратегия развития ШОС до 2025 г., к примеру, декларирует, что государства-члены уделяют внимание, помимо прочего, совершенствованию ШОС как многопрофильной региональной организации, не предусматривающей формирования военно-политического союза или экономического интеграционного объединения с образованием наднациональных институтов управления².

Вместе с тем среди принципов ШОС не предусмотрено уважения к правам и свободам человека. Было бы уместно включить этот принцип в текст Хартии в качестве нового инструмента взаимодействия государств-членов. Тем более что цели и задачи ШОС предусматривают «поощрение прав человека и основных свобод в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством» (ст. 1 Хартии ШОС).

3. Несмотря на то что изначально усилия государств ШОС были направлены на обеспечение региональной безопасности³, нельзя отрицать, что вопросы защиты прав человека составляют в настоящее время неотъемлемый компонент мероприятий по защите международного мира и безопасности. Едва ли допустимо подвергать сомнению значимость интересов человека в данном случае. Растущее значение права прав человека, как отмечается, в частности, в Докладе Ассоциации международного права о реформировании ООН, потребовало нового прочтения положения о коллективной безопасности, изложенного в Уставе ООН, в свете таких концепций, как безопасность человека⁴. Такое понимание современных принудительных военных и иных, ненасильственных мер, реализуемых на коллективной основе, следует учитывать ШОС в своей деятельности.

Примером отступления от принципа неразрывной связи между обеспечением безопасности и деятельностью по защите прав человека могут служить договоры ШОС, которые содержат новые, пространные дефиниции преступлений сепаратизма и экстремизма и расширяют круг субъектов, чье «политически неблагонадежное» поведение могло бы стать основанием для их экстрадиции в соответствии с двусторонними договорами⁵. В этом случае недобросовестное применение государствами таких мер несет высокие риски злоупотребления в ущерб правам человека. Создание органа по защите данных прав представляет важную гарантию с точки зрения интересов потенциальных обвиняемых в сепаратизме и экстремизме.

На эту проблему обращали внимание и представители самой Организации. По словам одного из ее генеральных секретарей, «решая задачи в области безопасности, все большее значение в своей деятельности ШОС придает вопросам совместного развития... При этом на первый план все больше выходит социальная компонента, а главной задачей ШОС становится обеспечение благополучия людей и роста их благосостояния»⁶. Есть все основания рассчитывать на институциональную пригодность ШОС к созданию адаптированного под Организацию механизма защиты прав человека.

¹ *Entin M., Galushko D.* International Human Rights Protection and Regional Integration: European and Eurasian Integration Processes Compared // *Journal for the International and European Law, Economics and Market Integrations*. 2020. Vol. 7. № 1. P. 38.

² О Стратегии развития ШОС до 2025 года // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <https://rus.sectsc.org> (дата обращения: 03.09.2024).

³ *Василенко В. И., Василенко В. В., Потеенко А. Г.* Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). М.: Проспект, 2014.

⁴ *Accountability of the Security Council* // Report of the International Law Association Study Group on United Nations Reform / ed. by R. Wilde, Rapporteur of the Study Group. December 2011. P. 39. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1971008 (дата обращения: 03.09.2024).

⁵ *Ginsburg T.* Authoritarian international law? // *The American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Is. 2. P. 253.

⁶ *Алимов Р. К.* Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь Мир, 2017. С. 23.

4. Тот факт, что государства-учредители не предусмотрели в Хартии ШОС отдельный орган по правам человека, не должен уменьшать его значимость в перспективе. Существует много исторических примеров, когда контрольные органы были образованы после создания международной организации (например, тот же Европейский Суд по правам человека при Совете Европы). Иногда государства заявляли в учредительном акте о намерении создать такой орган в будущем (ст. 14 Устава Лиги Наций о Постоянной палате международного правосудия, ст. 14 Устава АСЕАН об Органе АСЕАН по правам человека). Согласно п. 3 ст. 4 Хартии ШОС решение об учреждении новых органов принимает Совет глав государств.

Общий вектор развития ШОС тоже свидетельствует о постепенном расширении сфер сотрудничества государств-членов и проявлении интереса третьих стран к деятельности региональной организации. Подобная практика расходится с ситуацией в СНГ, столкнувшемся с постепенным сокращением числа членов (Грузия, Украина) и низкой активностью сохраняющих в специфических форматах членство государств (Туркменистан), несмотря на широкую предметную компетенцию объединения.

5. Для современного состояния международно-правового регулирования характерно пристальное внимание к интересам личности, а гуманизация международного права представляет собой «дух времени» (*Zeitgeist*). ШОС не может находиться в стороне от процессов, которые затрагивают права человека, если всерьез намерена претворить в жизнь многочисленные амбициозные заявления о расширении участия в делах региона и повышении авторитета на глобальной арене.

В принципе, довольно конкретные заявления на этот счет уже сделаны в рамках ШОС: обсуждаются меры по противодействию распространению COVID, по развитию науки и технологий, по поддержке бизнес-инициатив¹. В силу ст. 11 Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС от 16 августа 2007 г. Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в таких областях, как содействие реализации прав человека и основных свобод в соответствии со своими международными обязательствами и национальным законодательством. Создание в ШОС правозащитного органа могло бы стать логичным шагом в этом направлении.

С. Ханьцин отмечает расширение сотрудничества в рамках предметной компетенции ШОС. Она считает, что при решении региональных и глобальных проблем, таких как глобальный финансовый кризис, обеспечение энергетической и продовольственной безопасности, изменение климата, ШОС сформулировала общие позиции своих членов и предложила взгляды на будущие международные действия с претензией на расширение и углубление сотрудничества в этих сферах².

6. Правозащитный механизм ШОС не дублирует похожие международные структуры, в которых уже участвуют государства-члены Организации. Как уже отмечалось, прежние попытки государств, участвующих в работе ШОС, учредить эффективный или хотя бы работающий международный орган по защите прав человека пока не увенчались успехом: упомянутая Комиссия по правам человека, предусмотренная ст. 33 Устава СНГ от 22 января 1993 г., едва ли начнет реальную работу; одноименная комиссия в рамках Союзного государства России и Беларуси (создание предусмотрено ст. 16 Договора от 8 декабря 1999 г. о создании объединения) существует лишь на бумаге; Суд ЕАЭС остается органом правосудия, обслуживающим экономическую интеграцию. К последнему в экспертном сообществе есть претензии с точки зрения эффективности по своему первоначальному направлению³, усложнение его юрисдикции за счет правозащитных дел усугубит положение. Как минимум, в случае при-

¹ Заявление Совета глав государств-членов ШОС о совместном противодействии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 10 ноября 2020 г., Заявление Совета глав государств-членов ШОС об укреплении сотрудничества в области науки, технологий и инноваций от 17 сентября 2021 г., Совместное коммюнике по итогам двадцать первого заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов ШОС от 1 ноября 2022 г. Документы доступны на официальном сайте международной организации: Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <https://rus.sectesco.org> (дата обращения: 03.09.2024).

² Hanqin X. Chinese Contemporary Perspectives on International Law: History, Culture and International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 2012. Vol. 355. P. 217.

³ Исполинов А. С., Кадышева О. В. Статут Суда ЕАЭС: возможные пути модернизации // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2021. № 5. С. 28–47.

нения необходимости учреждения регионального правозащитного органа ШОС выглядит наиболее прагматичным и рабочим вариантом.

7. Представители стран-участниц неоднократно заявляли о готовности развивать сотрудничество национальных судов, органов юстиции, прокуратуры, в том числе по правам человека. Об этом речь идет, в частности, в Самаркандской декларации Совета глав государств-членов ШОС от 16 сентября 2022 г.¹, Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС от 17 сентября 2021 г.² Несмотря на то что структуры ШОС организованы преимущественно на уровне глав государств и профильных министерств и ведомств, на площадке организации проводятся также встречи руководителей парламентов и судов. Например, 10–12 марта 2023 г. в Нью-Дели состоялось XVIII Сопредседателей верховных судов государств-членов ШОС, на котором обсуждались вопросы информатизации, доступа к правосудию, проблемы правоприменения³.

Международные организации в регионе нередко становятся предметом рассмотрения в контексте организации правозащитного механизма и оценки соответствующего потенциала. Примечательно, что из всех вариантов именно ШОС вызывает наименьший скепсис. Так, А. В. Обыденкова и А. Либман отмечают, что «евразийские организации либо явно отказываются опираться на сколько-нибудь ясную ценностную основу (ЕАЭС, который позиционирует себя как чисто экономическая организация), либо используют демократическую риторику, наполняя ее вокабуляр специфическим содержанием (СНГ), либо концентрируются на безопасности и суверенитете как главных ценностях (ШОС). Евразия действительно отличается от других [недемократических макрорегионов], поскольку представляет собой особый случай, когда ведущее государство достаточно могущественно, чтобы вызывать опасения по поводу вероятных [риторических] манипуляций, но недостаточно сильно, чтобы принудить другие страны к членству. В случае ЕАЭС и СНГ этот вопрос стоит особенно остро»⁴.

8. Общее прошлое некоторых стран ШОС и их общие традиции в области государственного строительства и управления могут составить верную институциональную основу для учреждения правозащитного механизма, а сходство политических режимов и близость подходов к правовым стандартам облегчили бы сближение стран-участниц в толковании и применении законодательства в этой области. Интерес представляют предлагаемая идея евразийства и потенциал евразийской концепции прав человека, взятых в качестве регионального варианта универсальной правозащитной доктрины, поддержанной на уровне ООН: признание условных «азиатских ценностей» предполагает согласование общепризнанных подходов с небесспорными представлениями о приоритете сообщества и государства над личностью, преимуществе общественного порядка над личными правами и свободами, общем благополучии, особом внимании к морали и религии, культе сильных политических лидеров⁵.

Есть основания полагать, что такие установки согласуются с китайским восприятием государственности и прав личности. В этом случае страны Центральной Азии и Китай могли бы попытаться сформировать коалицию, транслирующую декларируемые ценности в работе международного правозащитного органа ШОС. Т. Оганесян, обращая внимание на существующие противоречия во взглядах носителей так называемых азиатских ценностей в области прав человека, отмечает, что сегодня начался новый этап в дебатах об их содержании и эволюции с участием государств и обществности региона. Определенно можно утверждать, что эти ценности сложились как феномен и представлены в различных формах (литература, СМИ, официальные

¹ Documents signed during the meeting of the Council of Heads of SCO Member States that you can find in the “Documents” section // The Shanghai cooperation organisation. URL: <http://eng.sectsc.org> (дата обращения: 03.09.2024).

² Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <http://rus.sectsc.org> (дата обращения: 03.09.2024).

³ XVIII Сопредседателей Верховных судов государств-членов ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <http://rus.sectsc.org> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ *Obydenkova A. V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspectives and the Eurasian Enigma.* N. Y.: Oxford University Press, 2019. P. 266.

⁵ *Vinnichenko O., Gladun E., Busurmanov Zh. Convergence of Western and Asian legal values in the SCO perspective // The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov.* L.; N. Y.: Routledge, 2022. P. 77–79.

документы). В то же время противники «азиатских ценностей» считают, что эта концепция используется для оправдания правительственных ограничений политических и личных свобод¹.

Создание институциональной базы для защиты прав станет серьезным испытанием на верность правозащитным стандартам и последовательность в правовой политике для государств региона, в том числе для России, а также реальной возможностью заявить о своем понимании прав человека и основных свобод, закрепленных на универсальном уровне. В конце концов, «[такая] универсальность не означает однообразия, и большинство норм в области прав человека определены таким образом, что неизбежно предполагает определенную степень гибкости в их толковании и применении»².

2. Выгоды для ШОС и государств-членов

Предлагаемое изменение в системе ШОС положительно повлияет на деятельность Организации в целом и будет соответствовать интересам государств-членов.

Специальный механизм защиты прав человека способствовал бы углублению и расширению сотрудничества между государствами-членами ШОС за счет включения в ее компетенцию гуманитарного компонента. Страны ШОС прежде неоднократно заявляли о приверженности защите прав человека на глобальном уровне, поддержке целей и принципов ООН. Например, в соответствии с п. 5 Совместного заявления министров иностранных дел РФ и КНР от 11 сентября 2020 г.³ стороны продолжают развивать сотрудничество в сфере поощрения и защиты прав человека, продвигать в рамках правозащитных органов системы ООН равное отношение ко всем категориям прав человека. Конструктивный потенциал Организации в деле обеспечения мира и устойчивого развития, содействия развитию регионального сотрудничества и укреплению добрососедских отношений отметила Генеральная Ассамблея ООН⁴. В этом смысле усилия ШОС по созданию собственной правозащитной структуры могли бы стать крайне полезными для упрочения ее влияния в региональных и субрегиональных отношениях.

Формирование органа по защите прав человека может стать ответом на критику в адрес членов ШОС и их правозащитной и гражданской политики. Это также сделало бы ситуацию с правами человека в национальных правовых системах более прозрачной для международного сообщества, позволило бы перейти от декларативных, в основном политических, документов к международным договорам, налагающим четкие, конкретные обязательства по правовой защите человека, и разнообразило бы тематику соглашений ШОС, посвященных сегодня преимущественно мерам борьбы с наркотиками, торговлей людьми, терроризмом и экстремизмом. Какие бы усилия ни предпринимались участниками в рамках гуманитарной повестки, они должны подкрепляться конкретными действиями, свидетельствующими о серьезности намерений, выражаемых на регулярных многосторонних встречах, в том числе в формате постоянно действующего международного органа.

С точки зрения Сыэньо Еэ, современный этап развития международных отношений характеризуется сопрогрессивностью как особенностью международного права XXI в. Такая сопрогрессивность пришла на смену идее сосуществования разных политико-культурных систем, предложенной в разгар холодной войны, и сопутствующего сотрудничества в период разрядки. Концепция декларирует постепенный морально-этический прогресс человечества, ведущий ко всеобщему процветанию. В таком случае государству отводится важная роль в защите прав человека. Автор поясняет:

¹ *Оганесян Т.* «Азиатские ценности» и их роль в процессе становления субрегиональной системы защиты прав человека в Азии // *Международное правосудие.* 2019. № 1(29). С. 87.

² *Hannum H.* Human Rights // *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific.* P. 140–141.

³ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Китайской Народной Республики, Москва, 11 сентября 2020 года // Министерство иностранных дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 03.09.2024). См. также: The Moscow Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation; Циндаоская декларация Совета глав государств-членов ШОС от 10 июня 2018 г. // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <http://sectesco.org> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ См. п. 1 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Шанхайской организацией сотрудничества» от 17 марта 2021 г. (Документ ООН: A/RES/73/334).

«Право гарантирует достижение цели любого сообщества – процветания человечества. Под процветанием понимается такое состояние общества, при котором каждый человек воплощает в жизнь достойный план, преследуя достойные цели и руководствуясь достойными ценностями. Следует признать существование „стимулируемой свободы“, т. е. согласиться с тем, что поиск смысла жизни не есть внутреннее побуждение человека, он стимулируется (но не навязывается) извне – самим обществом, его культурой, историей, отношениями между людьми. ...без государства человек и помыслить бы не смог о многообразии выбора. Именно государство снабжает человека информацией и обуславливает его мировосприятие»¹. Такое место личности может быть воспринято в свете установившихся стандартов в области прав человека неоднозначно, однако все же этот подход не предрешает выбор вариантов взаимодействия человека и государства, общества и правительственных институтов, ограничения прав и свобод в публичных интересах. Создание нового органа по правам человека в ШОС может стать достойным ответом на нынешнюю критику и способно в перспективе компенсировать дефицит правовой защиты, вызванный осторожным отношением государств-членов к таким механизмам на универсальном и региональном уровнях.

Повод к осторожности в оценках дают некоторые заявления ключевых государств-членов ШОС. Так, в российско-китайской декларации о повышении роли международного права от 25 июня 2016 г. сформулировано понимание справедливого международного порядка этими странами. В старательно составленном перечне основных идей, таких как суверенное равенство и воздержание от угрозы силой, осуждение военного вмешательства и односторонних санкций, иммунитеты государств и должностных лиц, нет ни одного упоминания об уважении прав и свобод личности, выполнении обязательств в области прав человека, воспрепятствовании грубым и систематическим посягательствам на человеческую жизнь и достоинство².

В настоящее время обязательства по правам человека реализуются на уровне индивидуальных усилий стран-участниц. Для ШОС этого явно недостаточно: учреждение специального органа по защите прав человека не только ценно само по себе, но и кардинально меняет архитектуру самой Организации, которая, судя по заявлениям ее должностных лиц, представителей стран-участниц и положениям учредительных документов, не заиклена на противодействии наркоторговле, терроризму и экстремизму.

Невозможно развивать полноценное многостороннее сотрудничество, игнорируя правозащитную тематику, поскольку «абсолютно каждое интеграционное объединение сталкивается с необходимостью реальной защиты прав человека на разных этапах своего развития»³. Международные региональные организации в Европе, Африке, Америке, не позиционирующие себя как военные блоки и организации, предусматривают подобные судебные или квазисудебные учреждения (показателен в этом плане опыт АСЕАН).

Возможно, предлагаемый правозащитный механизм должен быть в первую очередь сосредоточен не на прямой защите прав заявителей (через механизмы прямого доступа и судебного рассмотрения индивидуальных жалоб с последующим принятием юридически обязательных решений), а на продвижении идеалов и ценностей в области прав человека в рамках повестки ШОС. Формат экспертно-консультативного органа (первоначально) с последующим расширением его компетенции в сторону работы с индивидуальными сообщениями по типу комитетов ООН (с принятием юридически необязательных решений-мнений) – вариант постепенной трансформации нового института. Важно сохранить баланс, не допустив превращения структуры

¹ И Сяньхэ. Международное право сопрогрессивования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // Российский юридический журнал. 2015. № 5(104). С. 58–59. См. также: Yee S. The International Law of Co-progressiveness: The Descriptive Observation, the Normative Position and Some Core Principles // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. Is. 3. P. 485–499.

² Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права // Министерство иностранных дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 03.09.2024).

³ Ковлер А. И., Лебедева Я. И. Защита прав человека *stricto sensu* судами интеграционных объединений: опыт сравнительного анализа // Международное правосудие. 2022. № 4. С. 36–50.

в еще один политический орган, аккомпанирующий принятым решениям глав государств и правительств.

Формирование правозащитного механизма в ШОС не должно требовать от ее членов принятия всех обязательств и сразу: например, можно идти по пути конструктора Европейской социальной хартии. Возможно признание компетенции органа лишь в части, путем поддержки его отдельных функций – консультативных заключений, экспертных отчетов, индивидуальных процедур. Членами Организации являются государства, которые, несмотря на общие подходы, имеют различия с точки зрения развития законодательства, влияния религии, культурной жизни. Создание специального органа по правам человека должно вписаться в имеющиеся расхождения. В международной практике встречаются примеры различных механизмов защиты прав человека в рамках межгосударственных объединений. В целом, специфические подходы стран к ценностям в области прав человека и возможные различия в их восприятии не должны подрывать идею международной защиты личности как таковой¹.

Очевидно, что всестороннее развитие сотрудничества в рамках ШОС отвечает интересам России и Китая. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации² всеобъемлющее углубление связей и координации с дружественными суверенными глобальными центрами силы и развития, расположенными на Евразийском континенте, имеет особое значение для достижения стратегических целей и выполнения основных задач внешней политики государства (п. 51). В соответствии с Совместным заявлением РФ и КНР к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 28 июня 2021 г.³ стороны намерены и дальше прилагать совместные усилия, направленные на содействие обеспечению равноправного подхода правозащитных механизмов ООН по системному продвижению прав человека. Россия и Китай могли бы задавать темп в далекой идущей реформе Организации в этом отношении.

Лишь некоторые государства ШОС закрепили на конституционном уровне право на обращение в межгосударственные органы по защите прав человека (ст. 41 Конституции Киргизии 2010 г., ст. 46 Конституции России 1993 г., ст. 55 Конституции Узбекистана 2023 г.). Отсутствие такого регулирования может быть дополнено практикой участия государств-членов ШОС в работе ее правозащитного механизма, предусматривающего (в перспективе) индивидуальные сообщения о нарушениях прав человека и общий надзор за соблюдением соответствующего режима. Право на индивидуальную петицию в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах признано Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Узбекистаном. Признание такого права на региональном уровне дополнит гарантии в универсальной системе защиты прав человека.

Возможен обмен опытом между странами ШОС, которые вовлечены в другие международные правозащитные органы (например, в Независимую постоянную комиссию по правам человека Организации исламского сотрудничества). В Нью-Делийской декларации Совета глав государств-членов ШОС от 4 июля 2023 г. провозглашено, что Центральная Азия является ядром ШОС и ее члены поддерживают усилия стран региона, направленные на обеспечение процветания и мира, устойчивого развития и формирование пространства добрососедства, доверия и дружбы.

Янь Чэн отмечает, что «шанхайский дух следует рассматривать в свете его развития. Сущность шанхайского духа не статична... новые практики расширили объем шанхайского духа, а также предоставили богатые философские и интеллектуальные ресурсы для теорий международных отношений»⁴. В то же время он признает, что «членам

¹ Ковлер А., Фокин Е., Черенкова В. Органы международного правосудия в интеграционных системах современного мира // Международное правосудие. 2019. № 2(30). С. 44–61.

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 03.09.2024).

³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент РФ: офиц. сайт. URL: <http://static.kremlin.ru> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ Cheng Y. The Shanghai Spirit and SCO Mechanisms: Beyond Geopolitics // The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, And Challenges / ed. by M. Fredholm. Copenhagen: NIAS Press, 2013. P. 206–207.

ШОС не хватает необходимых элементов региональной идентичности, таких как общее или похожее историческое прошлое, культурные традиции и религии... Это тесно связано с институциональными конструкциями и деятельностью ШОС. Для широкой публики ШОС – это возвышенный геополитический и экономический проект, едва ли имеющий отношение к их повседневной жизни... Хотя все члены организации согласны с шанхайским духом, им все же трудно сделать выбор между относительными и абсолютными выгодами, между экономическими интересами и стратегическими расчетами, вопросами, касающимися выбора Китая и России или Соединенных Штатов в качестве приоритетного партнера, поскольку идентичность с чувством „духовной близости“ еще не существует»¹.

Такая парадоксальная разобщенность при имеющихся общих подходах отличает и другие межправительственные объединения на евразийском пространстве. Так, учет отличающихся конституционных традиций государств-членов актуален для Суда ЕАЭС. В качестве возможного варианта разрешения противоречия Е. Б. Дьяченко и К. В. Энтин предлагают включение прав человека в качестве общего принципа правовой системы Союза. Это дает возможность Суду ЕАЭС проверять решения Евразийской экономической комиссии на соответствие основным правам человека. Такой контроль будет первично осуществляться судами государств, что подчеркивает необходимость диалога между национальными судами и Судом ЕАЭС². Аналогичный подход может быть воспринят и в ШОС для обеспечения высокого уровня защиты прав человека.

3. Препятствия для интеграции в области прав человека

В то же время важно учитывать ряд факторов, осложняющих развитие защиты прав человека в ШОС и учреждение соответствующего механизма.

Во-первых, часть стран ШОС располагают общим опытом сотрудничества в рамках СССР, их отличают (и объединяют) географическая близость, устойчивые практики взаимодействия в одном государстве, общее языковое и образовательное пространство, а также тесные связи в области культуры. Для остальных же государств-членов Организации сдерживающим фактором может стать культурно-политическая и социально-историческая неоднородность: многонациональная культура России, уникальная многотысячелетняя китайская цивилизация, элементы патриархальной религиозной культуры стран Центральной Азии. Как справедливо пишет Марк Лантегн, «в ШОС сохраняются фундаментальные различия как в отношении идеальной идентичности организации в области безопасности, так и в отношении степени, в которой вопросы, не связанные с безопасностью, такие как экономическое сотрудничество, должны быть включены в компетенцию ШОС»³. В то же время все страны в той или иной степени связаны вестернизированными практиками современной глобальной цивилизации.

С одной стороны, такое разнообразие и культурное богатство являются одним из мощных ресурсов внешней «мягкой силы» ШОС. Многосторонние обязательства в области прав человека также могут служить объединяющим фактором. Например, Дуань Цзелун считает, что Китай выступает за построение «гармоничного мира», за уважение Устава ООН и основных прав человека и свобод, предусмотренных конвенциями по правам человека⁴. С другой стороны, отсутствие устойчивых общих правовых ценностей и языка осложняет сотрудничество в рамках ШОС, препятствует созданию и функционированию гуманитарного механизма. Как известно, официальными языками ШОС являются русский и китайский. Если русский язык активно используется на постсоветском пространстве ШОС, то китайский язык не может быть объединяю-

¹ Cheng Y. Op. cit. P. 215–216.

² Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Толкование с опорой на конституционные традиции государств-членов и защита прав человека Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. С. 185.

³ Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the 'Crimea Effect' // Russia's Turn to the East Domestic Policymaking and Regional Cooperation / ed. by H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. Cham: Springer, 2018. P. 132.

⁴ Jielong D. The Concept of the 'Harmonious World': An Important Contribution to International Relations // Multiculturalism and International Law: Essays in Honour of Edward McWhinney / ed. by S. Yee, J.-Y. Morin. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. P. 62.

щим для остальных членов Организации: России, стран Центральной Азии, Индии и Пакистана.

Во-вторых, гуманитарное сотрудничество также осложняют некоторые противоречия между государствами-членами ШОС: экономическая конкуренция Китая и России, с одной стороны, и стран Центральной Азии – с другой. Правительства центральноазиатских стран ищут баланс между российским и китайским центрами силы. Нельзя игнорировать и сложные отношения между Узбекистаном и Кыргызстаном. То же самое верно и в отношении партнерства Индии, Пакистана и Китая. Кроме того, «необходимость устранения значительного разрыва между политическим и экономическим направлениями деятельности Организации остается актуальной задачей»¹.

В-третьих, ШОС объединяет государства с разным уровнем демократических институтов, и это сильно влияет на политику Организации, ориентированную на декларирование и демонстрацию благих намерений на фоне отсутствия реальных действий в области прав человека. В этой части если что-то и объединяет государства-членов ШОС, так это низкий уровень правовой защищенности человека. Это усложняет недостаточная активность в здоровом нормотворчестве (на уровне Организации), сопровождающаяся высокой активностью в геополитической сфере.

Шанхайская организация сотрудничества сохраняет весомое стратегическое значение для амбиций и России, и Китая. Присутствие значимых и заинтересованных игроков определяет высокий потенциал расширения компетенции Организации, в том числе за счет правозащитного компонента. И хотя членский состав, преобладающие политические режимы, опыт сотрудничества участников и направленность ШОС не оставляют иллюзий насчет беспроблемности вероятного регионального механизма защиты прав человека при объединении, политико-риторический и репутационный интересы стран-участниц в углублении кооперации по гуманитарным вопросам создают убедительные предпосылки для такого решения и могут стать драйвером постепенной эволюции этого механизма. Опыт России по линии Совета Европы, а также ее потребность в обеспечении конституционных гарантий для российских граждан (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ) предопределяют активную инициативу российской стороны в учреждении и развитии правозащитных механизмов при ШОС.

Список литературы

Алимов Р. К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь Мир, 2017. 336 с.

Василенко В. И., Василенко В. В., Потеенко А. Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). М.: Проспект, 2014. 192 с.

Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Толкование с опорой на конституционные традиции государств-членов и защита прав человека Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. 173–186.

И Сяньхэ. Международное право прогрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // Российский юридический журнал. 2015. № 5(104). С. 56–71.

Исполинов А. С., Кадышева О. В. Статут Суда ЕАЭС: возможные пути модернизации // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2021. № 5. С. 28–47.

Клеандров М. И. Будущий Международный суд по правам человека с участием России: варианты возможностей // Государство и право. 2003. № 1. С. 12–22.

Ковлер А., Фокин Е., Черенкова В. Органы международного правосудия в интеграционных системах современного мира // Международное правосудие. 2019. № 2(30). С. 44–61.

Ковлер А. И., Лебедева Я. И. Защита прав человека *stricto sensu* судами интеграционных объединений: опыт сравнительного анализа // Международное правосудие. 2022. № 4. С. 36–50.

Конаровский М. А. Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 149–161.

Лихачев М. А. Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия // Право. Журнал Высшей школы экономики. Т. 17. № 1. С. 40–67.

Лунев А. А. Основные права юридических лиц в международной системе защиты прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 185 с.

Нешатаева Т. Н. Евразийский экономический союз: органы, практика, право // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 187–201.

¹ Конаровский М. А. Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 154.

Оганесян Т. «Азиатские ценности» и их роль в процессе становления субрегиональной системы защиты прав человека в Азии // *Международное правосудие*. 2019. № 1(29). С. 81–92.

Accountability of the Security Council. Report of the International Law Association Study Group on United Nations Reform / ed. by R. Wilde, Rapporteur of the Study Group. December 2011. 79 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1971008.

Cheng Y. The Shanghai Spirit and SCO Mechanisms: Beyond Geopolitics // *The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, And Challenges* / ed. by M. Fredholm. Copenhagen: NIAS Press, 2013. 324 p.

Entin M., Galushko D. International Human Rights Protection and Regional Integration: European and Eurasian Integration Processes Compared // *Journal for the International and European Law, Economics and Market Integrations*. 2020. Vol. 7. № 1. P. 21–45.

Ginsburg T. Authoritarian international law? // *The American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Is. 2. P. 221–260.

Hannum H. Human Rights // *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific* / ed. by S. Chesterman, H. Owada, B. Saul. N. Y.: Oxford University Press, 2019. 904 p.

Hanqin X. Chinese Contemporary Perspectives on International Law: History, Culture and International Law // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. 2012. Vol. 355. 282 p.

Jielong D. The Concept of the 'Harmonious World': An Important Contribution to International Relations // *Multiculturalism and International Law: Essays in Honour of Edward McWhinney* / ed. by S. Yee, J.-Y. Morin. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. 770 p.

Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the 'Crimea Effect' // *Russia's Turn to the East Domestic Policymaking and Regional Cooperation* / ed. by H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. Cham: Springer, 2018. 167 p.

Obydenkova A. V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspectives and the Eurasian Enigma. N. Y.: Oxford University Press, 2019. 336 p.

Tan Hsien-Li. Regional Organizations // *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific* / ed. by S. Chesterman, H. Owada, B. Saul. N. Y.: Oxford University Press, 2019. 904 p.

Vinnichenko O., Gladun E., Busurmanov Zh. Convergence of Western and Asian legal values in the SCO perspective // *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons* / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. L.; N. Y.: Routledge, 2022. 262 p.

Yee S. The International Law of Co-progressiveness: The Descriptive Observation, the Normative Position and Some Core Principles // *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13. Is. 3. P. 485–499.

References

Accountability of the Security Council (2011). In Wilde R. (Ed.). *Report of the International Law Association Study Group on United Nations Reform, Rapporteur of the Study Group, December*, 79 p., available at : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1971008 (accessed: 03.09.2024).

Alimov R. K. (2017) *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: stanovlenie, razvitie, perspektivy* [Shanghai Cooperation Organization: Origin, Evolution, Perspectives]. Moscow, Ves' Mir, 336 p.

Cheng Y. (2013) The Shanghai Spirit and SCO Mechanisms: Beyond Geopolitics. In Fredholm M. (Ed.). *The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges*. Copenhagen, NIAS Press, 324 p.

D'yachenko E. B., Entin K. V. (2021) Tolkovanie s oporoi na konstitutsionnye traditsii gosudarstv-chlenov i zashchita prav cheloveka Sudom Evropeiskogo Soyuza i Sudom Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [The Interpretation under the Constitutional Traditions of the Member-States and Human Rights Protection by the Court of the European Union and the Court of the Eurasian Economic Union]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, vol. 25, is. 4, pp. 173–186.

Entin M., Galushko D. (2020) International Human Rights Protection and Regional Integration: European and Eurasian Integration Processes Compared. In *Journal for the International and European Law, Economics and Market Integrations*, vol. 7, no. 1, pp. 21–45.

Ginsburg T. (2020) Authoritarian international law? In *American Journal of International Law*, vol. 114, is. 2, pp. 221–260.

Hannum H. (2019) Human Rights. In Chesterman S., Owada H., Saul B. (Eds.) *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific*. New York, Oxford University Press, 904 p.

Hanqin X. (2012) Chinese Contemporary Perspectives on International Law: History, Culture and International Law. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 355, 282 p.

Jielong D. (2009) The Concept of the 'Harmonious World': An Important Contribution to International Relations. In Yee S., Morin J.-Y. (Eds.). *Multiculturalism and International Law: Essays in Honour of Edward McWhinney*. Leiden, Boston, Martinus Nijhoff Publishers, 770 p.

Ispolinov A. S., Kadysheva O. V. (2021) Statut Suda EAES: vozmozhnye puti modernizatsii [Statute of the EAEU court: potential ways of modernization]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo*, no. 5, pp. 28–47.

Kleandrov M. I. (2003) Budushchii Mezhdunarodnyi sud po pravam cheloveka s uchastiem Rossii: varianty vozmozhnostei [International Court of Human Rights and Russia's Participation: the Possibilities]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 12–22.

Konarovskii M. A. (2016) Rossiya – ShOS: nekotorye elementy strategii [Russia – SCO: Some Strategies]. In *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 11, is. 4, pp. 149–161.

Kovler A. I., Lebedeva Ya. I. (2022) Zashchita prav cheloveka stricto sensu sudami integratsionnykh ob"edinenii: opyt sravnitel'nogo analiza [The Human Rights Protection stricto sensu by the Courts of Integration Organizations: Comparative Analysis]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 36–50.

Kovler A., Fokin E., Cherenkova V. (2019) Organy mezhdunarodnogo pravosudiya v integratsionnykh sistemakh sovremennogo mira [The International Judicial Authorities in Modern Integration Systems]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 2(30), pp. 44–61.

Lanteigne M. (2018) Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the 'Crimea Effect'. In Blakkisrud H., Wilson Rowe E. (Eds.) *Russia's Turn to the East Domestic Policymaking and Regional Cooperation*. Cham, Springer, 167 p.

Likhachev M. A. (2024) Universal'nost' mezhdunarodnykh standartov prav cheloveka: neobkhodimaya utopiya [Universality of International Human Rights Standards: A Necessary of Utopia]. In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 17, no. 1, pp. 40–67.

Lunev A. A. (2023) *Osnovnye prava yuridicheskikh lits v mezhdunarodnoi sisteme zashchity prav cheloveka: dis. ... kand. yurid. nauk* [Fundamental Rights of Corporations in International Human Rights System: a candidate of legal sciences thesis]. Ekaterinburg, 185 p.

Neshataeva T. N. (2023) Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: organy, praktika, pravo [Eurasian Economic Union: Structure, Practice, Law]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, vol. 27, no. 5, pp. 187–201.

Obydenkova A. V., Libman A. (2019) *Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspectives and the Eurasian Enigma*. New York, Oxford University Press, 336 p.

Oganesyanyan T. (2019) «Aziatskie tsennosti» i ikh rol' v protsesse stanovleniya subregional'noi sistemy zashchity prav cheloveka v Azii [Asiatic Values and their Role in Subregional Systems of Human Rights Protection in Asia]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1(29), pp. 81–92.

Tan Hsien-Li (2019) Regional Organizations. In Chesterman S., Owada H., Saul B. (Eds.) *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific*. New York, Oxford University Press, 904 p.

Vasilenko V. I., Vasilenko V. V., Poteenko A. G. (2014) *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva v regional'noi sisteme bezopasnosti (politiko-pravovoi aspekt)* [Shanghai Cooperation Organization in the System of Regional Security (political and legal aspects)]. Moscow, Prospekt, 192 p.

Vinnichenko O., Gladun E., Busurmanov Zh. (2022) Convergence of Western and Asian legal values in the SCO perspective. In Marochkin S., Bezborodov Yu. (Eds.) *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons*. London, New York, Routledge, 262 p.

Yee S. (2014) The International Law of Co-progressiveness: The Descriptive Observation, the Normative Position and Some Core Principles. In *Chinese Journal of International Law*, vol. 13, is. 3, pp. 485–499.

Yee S. (2015). Mezhdunarodnoe pravo soprogressirovaniya: obshchaya kharakteristika, normativnoe obosnovanie i nekotorye osnovnye printsipy [International Law of Co-progress: the Review, Elaboration and Some General Principles]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5(104), pp. 56–71.